

УДК 342.733

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Билык Кирилл Владимирович,

аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета

(Белгород, Россия)

e-mail: 1890686@bsuedu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правового статуса семейного воспитания в контексте его конституционного приоритета (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Автор обоснован тезис о том, что декларативное закрепление приоритета не сопровождается институционализацией и публично-правовым обеспечением. На основе доктринального анализа и исследования нормативных актов выявлен дисбаланс между охранительными и регулятивными нормами, а также пробелы в определении субъектного состава лиц, ответственных за воспитание. Особое внимание уделено форме семейного образования, где отсутствие формализованных требований к воспитательному процессу создает риски для формирования личности, разделяющей традиционные ценности. В качестве решения предложена разработка и внедрение минимальных государственных стандартов воспитания, которые обеспечат баланс между частной автономией семьи и публичным интересом государства, сделав приоритет семейного воспитания юридически реализуемым, а не формальным.

Ключевые слова: семейное воспитание, конституционный приоритет, публично-правовое регулирование, минимальные государственные стандарты, семейное образование, институционализация, законный представитель, государственный контроль, традиционные ценности.

INSTITUTIONALIZATION OF FAMILY EDUCATION IN RUSSIAN LAW

Kirill Vladimirovich Bilyk,

Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Belgorod State National Research University Law Institute

(Belgorod, Russia)

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the legal status of family education in the context of its constitutional priority (Part 4 of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation). The author substantiates the thesis that declarative priority is not accompanied by institutionalization

and public law enforcement. Based on a doctrinal analysis and a study of normative acts, an imbalance between protective and regulatory norms has been identified, as well as gaps in determining the subject composition of those responsible for education. Special attention is paid to the form of family education, where the lack of formalized requirements for the educational process creates risks for the formation of a personality that shares traditional values. As a solution, the development and implementation of minimum state standards of education is proposed, which will ensure a balance between the private autonomy of the family and the public interest of the state, making the priority of family education legally feasible rather than formal.

Keywords: family education, constitutional priority, public law regulation, minimum state standards, family education, institutionalization, legal representative, state control, traditional values.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена фундаментальным конституционным закреплением приоритета семейного воспитания (ч. 4 ст. 67.1), что выводит данный институт из сферы исключительно частноправовых отношений в разряд публично-значимых явлений, требующих комплексного правового обеспечения. Однако декларативный характер этого приоритета сталкивается с реалиями правоприменительной практики и доктринальными дискуссиями, в которых доминирует подход, рассматривающий семью как автономную сферу частных интересов. В результате процесс воспитания в семье, особенно в формате семейного образования, остается практически неурегулированным с позиций публичного права, лишенным четких стандартов, механизмов текущего контроля и определенности в субъектном составе ответственных лиц. Данная статья ставит своей целью проанализировать существующие правовые коллизии и обосновать необходимость перехода от декларирования приоритета к его практической реализации посредством институционализации семейного воспитания через введение минимальных государственных стандартов, что позволит обеспечить баланс между правом семьи на частную жизнь и обязанностью государства по формированию личности гражданина, разделяющего традиционные российские ценности.

Итак, анализ научной литературы показал, что одной из концептуальных научных работ, посвященных вопросам семейного воспитания и направленных на его системную интерпретацию, следует признать исследование Е.Г. Комисаровой и Т.В. Красновой, посвященное регулированию права ребенка на семейное воспитание. Учитывая предметную эксклюзивность данной работы, видится обоснованным остановиться на ее положениях более подробно. Так, изначально опираясь на педагогическое восприятие семейного воспитания, авторы указывают на интерпретацию последнего посредством категории «субъективности родителя»: «Свою роль в этой субъективности выполняют обычаи, традиции, мораль, стили воспитания и родительские культуры как явления, лежащие за пределами права. А если учесть, что процесс воспитания в семье осуществляется в рамках ежедневного и систематического быта, реализуемого совместно детьми и родителями, и состоит из сплошь фактических действий и взаимодействий, то можно вообще усомниться в том, что праву в этом процессе есть собственное место, кроме как охранять и защищать. На самом деле это, конечно, не так. И право отыскало приемлемые для цивилизованного общества способы примирения фактического и регулятивно-юридического в вопросах семейного воспитания. Для этого оно "искусственно учредило" (К.П. Победоносцев) необходимые юридические формы, в рамках которых сегодня существует право ребенка на семейное воспитание» [7, с. 672-679]. Данная позиция, как представляется, подтверждает относительную самостоятельность семейного воспитания

или, по крайней мере, отличие формы семейного воспитания от иных институциональных составляющих системы воспитания в целом. Причем, несмотря на последующий акцент на нормах семейного права, данный подход позволяет в принципе судить о возможности отграничения рассматриваемой формы от других, в том числе предложенных в данном исследовании.

В свою очередь, отмечая достаточно разработанный и отраженный в Семейном кодексе Российской Федерации понятийно-категориальный аппарат, составляющий основу «правовой теории семейного воспитания» (к примеру, понятия «приоритет родительского воспитания», «личные неимущественные права и обязанности родителей по воспитанию детей» и др.), авторы, с одной стороны, констатируют перспективность и реальную возможность конструирования правовых моделей поведения, которые будут соответствовать социальным установкам в конкретном (нашем) государстве, а также предупреждать и пресекать деструктивные проявления в поведении родителей в предусмотренных законом пределах; с другой стороны, исследователи признают наличие ряда правовых и фактических проблем в сфере семейного воспитания и даже ставят под сомнение сам факт введения в семейное законодательство юридической конструкции «семейное воспитание» [7, с. 672-679]. Такая полярность в позиции авторов позволяет сделать вывод, что семейное воспитание (как форма и элемент пока еще формируемой системы) уже сложилась, получив закрепление и в социальной, и в правовой действительности. В частности, авторами приводится такой резолютивный вывод: «Семейное воспитание – это сегодня не только явление, предметно исследуемое в педагогике, психологии и социологии, но и правовой институт. Его границы в семейном законодательстве не являются четкими, а наполнение в смысле аккумуляции принадлежностных норм и их системности нуждается в предметном научном внимании» [7, с. 672-679]. Однако это не отменяет проблемных аспектов в интерпретации и реализации данной формы воспитания, поиска различных, в том числе межотраслевых способов их нивелирования. Следовательно, как представляется, в юридическом ключе не обязательно ассоциировать семейное воспитание исключительно с семейным правом, несмотря на его основополагающую роль. Возможно, именно расширительное толкование рассматриваемой категории, с учетом повышения уровня его юридического закрепления до конституционного, позволит предложить эффективные решения имеющихся проблем, не утратив наработанной практики и сохранив потенциал формы семейного воспитания.

Особого внимания заслуживает подход исследователей к правовому дефинированию конструкции семейного воспитания через призму классического (педагогического) определения категории воспитания: «"формирование человека как личности", осуществляемое непрерывно по всем направлениям жизнедеятельности, с участием взрослых в процессах развития, взросления и социализации детей» [7, с. 672-679]. Именно на основе ключевых (четырёх) составляющих данного определения проводится развернутый правовой анализ спорной конструкции: «ребенок – это личность и личность самостоятельная (1); воспитательное воздействие на личность ребенка предполагает непрерывность (2); оно осуществляется по всем направлениям, вбирая в себя физическую, нравственную, интеллектуальную составляющую (3); воспитательное воздействие исходит от взрослых (семья, общественные институты, ориентированные на воспитание, обучение и развитие ребенка) (4). Законодательные представления о воспитании ребенка и семейном воспитании также вполне совпадают с педагогическими и социологическими представлениями о том, что "отношения "родители – дети" составляют сердцевину семейной жизни" ... Вопрос лишь в том, насколько точно и полно юридический язык передает эти внеправовые каноны семейного воспитания» [7, с. 672-679]. В целом поддерживая такой подход, в свою очередь можно не только дополнительно подтвердить

ранее изложенный тезис о необходимости формирования действительно системы воспитания – с участием не только членов семьи, но и социальных и государственных институтов, а также спрогнозировать (к примеру, рассматривая развернуто четвертый компонент из указанных) перспективную необходимость задействования в процессе воспитания более широкого перечня публично-правовых инструментов.

Рассуждения авторов об иных содержательных составляющих семейного воспитания также позволяют выделить перспективные для данного исследования аспекты. К примеру, представляет определенный интерес поставленный вопрос «о том, каким по содержанию должен быть перечень родительских прав и обязанностей и должен ли он быть исчерпывающим в законе ... Одни авторы полагают, что в законе не должно быть детально урегулированных конструктов родительских прав, так как каждый родитель воспитывают ребенка по-своему. ... Не все авторы согласны с этой точкой зрения, считая, что "отношения между родителями и детьми должны быть максимально облечены в правовую форму, дабы избежать нарушения прав и интересов как ребенка, так и его родителей". ... Спор об открытом или закрытом перечне родительских прав и обязанностей не выглядит продуктивным. В этом контексте более актуальным видится обращение к проблеме "россыпи" или неаккумулятивности уже признанных правом статусных родительских прав, относящихся к такому правовому явлению, как семейное воспитание. Речь идет о тех правах (и обязанностях) родителей, которые по причине их предполагаемой отдаленности от непосредственного процесса воспитания фактически выпали из поля зрения семейно-правовой науки» [7, с. 672-679]. Данная точка зрения послужила, в частности, стимулом нашего авторского внимания именно на праворегулятивном аспекте семейного воспитания и обосновании в рамках нашего исследования расширения юридического содержания обязанности родителей (законных представителей) по воспитанию детей. В частности, учитывая, что современное общество достаточно разрознено и во многом утратило функцию выработки универсальных морально-этических норм и ценностей, то эту задачу призвано решить государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц хотя бы на уровне стратегического планирования и организационно-правового обеспечения. В праворегулятивном ключе такое решение видится в выработке обязательного минимума юридических гарантий, направленных на обеспечение результативности процесса воспитания и адресованных в первую очередь тем лицам, которые изначально оказывают на ребенка воспитательное воздействие – родителям или законным представителям детей.

Во взаимосвязи с интеграционной формой представляет интерес работа О.Ю. Косовой, в рамках которой автор проводит определенную параллель между образованием и семьей как сферами, где «... также происходят процессы воспитания и обучения ребенка – приобретения им знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта, иных жизненно важных благ, необходимых для его развития, удовлетворения индивидуальных потребностей и др.» [8, с. 18-21]. Такая констатация позволяет судить о взаимосвязи семейного и образовательного законодательства. При этом можно дополнить, что исходными положениями здесь все же являются конституционные установления, в том числе закрепляется «равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38) [1]. Приведенная норма фактически дублируется в ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации («Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей» [2]). В ч. 1 ст. 44 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» данное установление находит развитие – не только расширяется перечень субъектов-адресатов регулирующего воздействия, но и конкретизируется приоритетный характер субъективного права и содержательно уточняется (ограничивается) взаимосвязанная обязанность: «Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами. Они обязаны заложить основы

физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка» [4]. Поддерживая в целом равновесный вывод автора об общих целях и одновременно дифференциации воспитания личности в семье и в сфере образования, акцентируем внимание на ином – на ответственности родителей (а в установленных случаях – законных представителей как более широкой категории) за воспитание детей, причем вне зависимости от используемой формы.

Такая ответственность закономерно должна носить не только морально-этический характер, но и выражаться конкретно юридически. Соответствующие нормы уже представлены в семейном [2] и административном законодательстве [3]. Однако анализ их содержания показал, что именно в части воспитания как элемента объекта правовой охраны (защиты) соответствующие юрисдикционные установления носят формальный характер, а законодателем воспитание воспринимается лишь контекстно. Учитывая, какое значение придается воспитанию личности в целом и семейному воспитанию в частности уже на конституционном уровне, такой подход видится, как минимум, ограниченным. Более того, законодательная регламентация права родителей (законных представителей) на воспитание как преимущественного предполагает повышение уровня ответственности его адресатов, в том числе юридическими средствами. Не претендуя на оценку усиления юрисдикционной составляющей такой ответственности, но поддерживая идею допустимого государственного вмешательства в сферу социально-семейных отношений, видится перспективным разрешение этого вопроса именно в праворегулятивном ключе – посредством содержательного наполнения и юридического закрепления обязанности по воспитанию ребенка в семье.

В этой связи видится обоснованной позиция О.Ю. Косовой «о соотношении обязанности (права) родителя на образование ребенка и обязанности (права) на его воспитание, специальное рассмотрение которого в научных публикациях практически отсутствует. ... Анализ положений СК РФ и Закона об образовании ... указывает на то, что права (обязанности) родителей в части обеспечения получения их детьми образования не имеют значения самостоятельного субъективного семейного права, производны от закрепленных за ними СК РФ семейных обязанностей (прав) по воспитанию ребенка и законному представительству. ... Установленные семейным правом приоритет родителей в воспитании несовершеннолетнего ребенка и их ответственность за его всестороннее развитие обуславливают приобретение ими соответствующего их семейно-правовому положению особого статуса в образовательной сфере и образовательных правоотношениях» [8, с. 18-21]. То есть автор выделяет воспитание как приоритет и определяет его как одно из основных субъективных прав родителей (законных представителей). Соответственно, логично предположить, что и содержание воспитания в данном ключе, и ответственность за его осуществление должны быть относительно обособленными и самостоятельными, а не рассматриваться правоприменителем лишь в контексте обучения (образования). Представляется, такой подход к интерпретации воспитания только усилит свою конструктивную направленность в контексте специальных семейно-правовых и комплексных форматов его реализации, к примеру, при использовании родителями (законными представителями) формы семейного образования (ст.ст. 17, 63 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Однако реализуемость изложенного напрямую зависит от официального придания воспитанию личности публично-правового характера, вне зависимости от формы его осуществления. В подтверждение данного вывода следует уточнить, что, к примеру, в образовательной организации воспитательную функцию преимущественно реализуют педагогические работники, которые в том числе обладают свободой выбора и использования педагогически обоснованных форм, методов и средств воспитания, но для

приобретения такого статуса законом предъявляются и серьезные требования к квалификации; также государством (и обществом) обеспечивается в допустимых пределах контроль деятельности педагогов, ее соответствия образовательным стандартам и программам, результативности и пр. (ст.ст. 46-49 и др. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). То есть в рамках образовательного процесса воспитание (обучающихся) подвергнуто определенной регламентации со стороны образовательного законодательства. К родителям (законным представителям) детей в рамках семейного воспитания таких или соотносимых требований не предъявляется, а контроль их воспитательной деятельности, если нет внешних деструктивных проявлений, фактически не осуществляется. В свою очередь в научной литературе выделяется, к примеру, базовый перечень действий, которые должны (!) совершить родители (законные представители) для организации учебного процесса ребенка при получении им общего образования в семье: «... 1) приглашение преподавателей; 2) подача заявления о прохождении аттестации; 3) создание условий для ликвидации академической задолженности; 4) обеспечение контроля за ее своевременностью» [6, с. 125-134]. В части осуществления (обеспечения) воспитательного процесса в семье соотносимых формализованных обязательств нет. Подтверждается данный вывод и в научной литературе: «Что касается "воспитательной" стороны семейного образования, то в условиях семьи свобода родителей в осуществлении права на воспитание законодательством об образовании специально не ограничивается» [8, с. 18-21]. В свою очередь В.Ю. Матвеев подчеркивает выраженную даже на федеральном уровне недостаточность регламентации самой формы семейного образования: «Семейное образование как институт российского законодательства известен сравнительно давно, но при этом федеральное законодательство в указанной сфере является крайне фрагментарным и рамочным. ... Для существующей практики регулирования института семейного образования на региональном и муниципальном уровнях характерно значительное разнообразие, вызванное отсутствием детального регулирования данного института на федеральном уровне. ... Федеральное законодательство по данному вопросу в основном сконцентрировано на фиксации прав и гарантий получения общего образования в семейной форме, а также установлении некоторых обязанностей для родителей (законных представителей) и органов государственной власти субъектов РФ. Такое фрагментарное регулирование на федеральном уровне, по-видимому, преследовало цель предоставить максимальную свободу родителям в получении образования их детьми в семье». При этом следует поддержать справедливость точки зрения М.Н. Касаткина: «... такая форма, как семейное образование, не снимает ни с родителей обязанности обеспечить получение их детьми основного общего образования, ни с государства соответствующие контролирующие функции» [9, с. 97-105]. Соответственно, относительно процесса семейного воспитания (особенно, во взаимосвязи с форматом семейного образования) оценке, причем ситуационной, можно подвергнуть только его результат на том или ином этапе формирования личности ребенка. При этом не в процессе, а по факту возможности для исправления негативных проявлений, к примеру, асоциального восприятия окружающей действительности и аналогичного поведения ребенка, существенно минимизированы. Учитывая, какие конституционно-детерминированные цели и задачи ставятся перед субъектами воспитательной деятельности, сложившаяся ситуация видится потенциально деструктивной.

В качестве подтверждающего примера рассмотрим дошкольный период формирования личности (ребенка), включая его семейно-воспитательный сегмент. Так, после вступления в силу и на основании действующего Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» дошкольное образование было встроено в систему

современного российского образования и впервые отнесено к уровню общего образования (ч. 3 ст. 5) [9, с. 97-105]. Соответственно, как и для любого другого уровня образования, «для дошкольных организаций разработан и введен в действие с 1 января 2014 г. федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [5]. ... Согласно данному документу дошкольное образование можно получить в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, а также вне таковых (например, в форме семейного образования). Его содержание определяется образовательной программой дошкольного образования. Названная программа самостоятельно разрабатывается и утверждается образовательными организациями. При этом требования к структуре, объему, условиям реализации и результатам освоения программы определяются соответствующим федеральным государственным образовательным стандартом» [10, с. 49-59]. Следовательно, в ситуации с выбором родителями (законными представителями) формы семейного образования такую (или аналогичную) программу разрабатывать просто некому, да и предметных требований уполномоченные государственные органы к указанным субъектам не предъявляют.

При этом, как отмечает В.И. Реброва, рассматриваемый федеральный государственный образовательный стандарт – это «...новая идеология дошкольного воспитания, основанная не на получении знаний и навыков, а на процессе позитивной социализации, личностного развития каждого ребенка, развития его инициативы и творческих способностей на основе сотрудничества со взрослыми и сверстниками» [10, с. 49-59]. Из положений данного стандарта следует, что предметом его регулирования выступают отношения в сфере образования (то есть и обучения, и воспитания, и пр.), возникающие при реализации образовательной программы дошкольного образования. Образовательную деятельность по указанной программе призваны осуществлять профильные организации и индивидуальные предприниматели. При этом родители (законные представители) могут (но не обязаны (!)) использовать положения стандарта при получении детьми дошкольного образования в форме семейного образования. Учитывая, что одним из основных принципов дошкольного образования, к примеру, выступает «приобщение детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства» (п. «б» ст. 1.4.) [5], отсутствие хотя бы ограниченной обязанности со стороны родителей придерживаться при осуществлении воспитательной деятельности положений государственного образовательного стандарта, как единственного на данном уровне конкретно-регулятивного акта, видится значительным упущением или, как минимум, спорной позицией со стороны государства.

Формируя промежуточный вывод и не вступая в полемику об отнесении отрасли семейного права к категории публично-правовых, частноправовых или комплексных (хотя и поддерживая в целом последнюю характеристику), уточним, что для регламентации семейной формы воспитания только норм семейного законодательства (весьма общих по содержанию) явно недостаточно: конституционно опосредованный приоритет, обозначенный выше, все же предполагает более комплексный правовой инструментарий, максимальное использование потенциала российской системы права.

Таким образом, анализ позволяет сделать вывод, что конституционно закрепленный приоритет семейного воспитания требует своего адекватного отражения в системе действующего законодательства. Современный правовой режим, основанный на презумпции добросовестности родителей и минимизации государственного вмешательства, оказывается недостаточным для обеспечения результативности воспитательного процесса, особенно в условиях роста популярности семейного образования. Отсутствие четко сформулированных регулятивных норм, стандартизированных требований и эффективных механизмов текущего контроля создает правовые пробелы и повышает риски социальной дезадаптации личности. Предлагаемая

институционализация семейного воспитания через разработку и внедрение «минимальных государственных стандартов воспитания» призвана устранить этот дисбаланс. Такие стандарты, носящие компенсаторный и рекомендательно-обязательный характер, позволят обеспечить минимально необходимое государственное участие, направленное не на подмену родительской функции, а на ее поддержку и контроль за соответствием воспитательного процесса конституционным целям. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию граждан, гармонично встроенных в общественную и государственную жизнь, что является конечной целью любого воспитания.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2024. № 48. Ст. 7212 // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2024. № 48. Ст. 7212.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2025. № 31. Ст. 4656.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2025. № 31. Ст. 4695.
5. Российская газета. 2013, 25 ноября.
6. Ахмедов А.Я., Толочкова И.А. Препятствование получению образования как основание привлечения к семейно-правовой ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 125-134.
7. Комиссарова Е.Г., Краснова Т.В. Право ребенка на семейное воспитание: регулятивный аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4. С. 672-697.
8. Косова О.Ю. Об обязанности родителя обеспечить получение ребенком образования // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 18-21.
9. Матвеев В.Ю. Правовое регулирование семейного образования на региональном и муниципальном уровнях // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 97-105.
10. Реброва В.И. Нормативно-правовое регулирование образовательной деятельности в дошкольной образовательной организации в современных условиях // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 49-59.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008, № 6-FKZ, dated 12.30.2008, № 7-FKZ, dated 02.05.2014, № 2-FKZ, dated 07.21.2014, № 11-FKZ; as amended during the all-Russian voting on 07.01.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993, December 25; 2020, July 4.

2. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, № 223-FZ (as amended on 11.23.2024) // Federal Law of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16; 2024. № 48. Art. 7212.
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12.30.2001, № 195-FZ (as amended on 07.31.2025) // SZ RF. 2002. № 1 (Part 1). Article 1; 2025. № 31. Article 4656.
4. Federal Law № 273-FZ dated December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» (as amended on July 31, 2025) // SZ RF. 2012. № 53 (Part 1). Article 7598; 2025. № 31. Article 4695.
5. Rossiyskaya gazeta. 2013, November 25th.
6. Akhmedov A.Ya., Tolochkova I.A. Obstruction of education as a basis for bringing to family legal responsibility // Legal policy and legal life. 2021. № 3. Pp. 125-134.
7. Komissarova E.G., Krasnova T.V. The child's right to family education: a regulatory aspect // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2019. № 4. Pp. 672-697.
8. Kosova O.Yu. About the parent's obligation to ensure that the child receives education // Family and housing law. 2016. № 4. Pp. 18-21.
9. Matveev V.Y. Legal regulation of family education at the regional and municipal levels // Journal of Russian Law. 2018. № 11. Pp. 97-105.
10. Rebrova V.I. Regulatory and legal regulation of educational activities in preschool educational organizations in modern conditions // Leningrad Law Journal. 2016. № 3. Pp. 49-59.